"ЦИТАТЫ ИЗ ЖИЗНИ"

То, что наш земляк, уроженец Витебска Жорес Иванович Алферов стал Нобелевским лауреатом, знает уже весь мир. Как писали газеты, популярно объясняя простым гражданам заслуги ученого, получил он награду за исследования и изобретения, которые легли в основу информационной техники — главным образом, быстрых транзисторов, лазеров, интегральных схем. Алферову 15 марта исполнилось 70 лет. Он возглавляет в Санкт-Петербурге физико-технический институт им.А.Ф.Иоффе, является вице-президентом Российской академии наук, почетным членом многих всемирно известных академий наук. А кроме того — исследовательская, общественная и парламентская деятельность. В общем, регалии и заслуги этого удивительного человека можно перечислять долго. В последние октябрьские дни Жорес Алферов был гостем одной из программ телеканала "Культура". Два вечера телезрители могли получать истинное удовольствие от общения через голубой экран с глубоко интеллигентным собеседником — широко эрудированным, прекрасно владеющим русским языком. Программа называлась "Цитаты из жизни" и некоторые из них хочется привести сегодня для читателей "Вечернего Витебска". Жорес Иванович Алферов вспоминает жизнь, дает оценку разным явлениям, обстоятельствам, людям.

Семья

Семейные корни тесно связаны с Беларусью. В Минской области родилась моя матушка Анна Владимировна, отец — Иван Карпович — родом из Чашников, что на Витебщине. Там он и работал на огромной фабрике. Потом — Полоцк, где родился мой старший брат, названный в честь автора "Капитала" Марксом. Я родился в Витебске, и меня в честь лидера французских коммунистов нарекли Жоресом. Так в моем отце-большевике проявилась горячая и неподдельно искренняя солидарность с мировым Интернационалом. Беларусь мы покинули и больше туда не возвращались. Вообще, сколько помню отца, он всегда работал. И на фабрику поступил в Чашниках в 14 лет. Отцу было 20, когда началась первая мировая война, и он пошел служить в лейб-гусарский полк. Был прекрасным кавалеристом. Судьба свела его с Георгием Константиновичем Жуковым, который командовал как раз кавалерийским полком. Бывало время, когда тот уходил на отдых, а отец подменял Жукова

***

Жизнь забросила нас в Сталинград, и тут отца предупредили, что на него уже готовится дело. Шел 37-й год... А так вышло, что бывший секретарь Сталинградского обкома партии был товарищем папы еще со времен гражданской войны. Он позвонил из Москвы и сказал: "Мы сделаем так. Я в случае чего скажу, что связь плохо работала, а сам сейчас зайду к Кагановичу (комбинат, где работал отец, принадлежал Наркомату путей сообщения), подпишу у него приказ о твоем переводе из Сталинграда в Новосибирск — начальником треста, и ты отсюда, из Москвы, поедешь прямо в Новосибирск. А семью потом известишь, и пускай она сама приезжает". Таким образом, он спас папе жизнь: папа после войны встретил своего главного инженера, который отсидел 12 лет. Ну, а мы этого ничего не знали. Мама, вернее, знала, но нам, детям, ничего не сказала тогда. Помню как отец однажды приехал из "командировки" с Севера: всегда полный, ухоженный, он появился в доме наголо остриженный, худой. И только после войны папа рассказал, что три месяца провел не на Севере, а в тюрьме, там же, в Новосибирске. И вспомнилось, как однажды он не вернулся домой, и мама буквально ночью побежала искать его. Швейцар управления, где помещался и папин трест, спросил: "Дамочка, случайно ваш муж не начальник? Так их сегодня всех забрали". Но время уже было другое, вышло так называемое постановление о перегибах, согласно которому требовалась санкция прокурора, а когда пошли к прокурору за санкцией на арест отца, тот тоже оказался его товарищем: они вместе воевали на гражданской войне, который сказал: "Алферов — враг народа? Я в это никогда не поверю!" И санкции не дал.

Физика морального принципа

Я думаю, это было большим счастьем для страны, что во главе атомного проекта в свое время оказалась выдающаяся личность, выдающийся физик, человек кристально чистый и честный, с необычайно высокими моральными принципами и при этом блестящий организатор и блестящий ученый — Игорь Васильевич Курчатов. Что, к сожалению, для сегодняшнего ученого работника совершенно нетипично. Под руководством Курчатова его же аспиранты — Флеров и Петржак — в 1940 году сделали одно из самых выдающихся открытий в ядерной физике, спонтанное деление урана. Позже за эту работу они получили Сталинскую премию. Курчатов выдал им тему, идею и направлял их работу. Естественно, обсуждал с ними все результаты, но он, конечно, сам ручек не крутил и экспериментов сам не проводил. Помогая писать молодым первую статью и последующие об этой работе, он отказался ее подписывать, то есть отказался быть соавтором. И это в работе, в которой он фактически был соавтором! Еще вспоминается один случай, когда Курчатов оказался перед выбором: кому отдать разработку одного важного теоретического проекта? В итоге он склонился к кандидатуре Якова Борисовича Зельдовича и назвал причину: "Потому что у Яши выше моральные принципы". Между прочим, Игорь Васильевич Курчатов очень глубоко переживал, что создано такое ужасное оружие. Когда в 1955 году испытывалась наша первая водородная бомба, фактически можно было получить любую мощность. Она определялась лишь количеством взрывчатки. Можно было взорвать так, что просто Земля полетела бы неизвестно куда. И взорвали эту бомбу мощностью в 1,6 мегатонны просто для того, чтобы продемонстрировать принцип (это уже в 1958-59 годах, кажется, на Новой Земле, взрывали бомбу мощностью 50 мегатонн). И тогда Игорь Васильевич сказал своему близкому другу: "Знаешь, Анатолиус, больше я испытывать бомбы не буду. Я просто не могу больше этого видеть. Не дай бог, чтобы это когда-нибудь, где-нибудь нашло применение».

***

Я думаю с сожалением о том, что в последнее время происходит в нашей стране, в частности, с наукой. Нечеловеческие условия для нее. Вместо того, чтобы обсуждать научные проблемы, мы почти все время занимаемся только одним вопросом: где достать деньги?

***

5 марта 1953 года у нас в лаборатории был сделан первый советский плоскостной транзистор. Но так получилось, что это совпало с днем смерти Сталина. Я лично узнал об этом только утром 6 марта. На самом деле это было огромное горе в нашей стране. Потом я получил массу всяких международных наград, но первой и самой высокой для меня наградой стала золотая медаль Франклиновского института. История этой медали мне интересна тем, что помимо меня американцы удостоили ею еще трех советских ученых. Это Петр Леонидович Капица (1944 г.), Николай Николаевич Боголюбов (1974 г.) и, наконец, Андрей Дмитриевич Сахаров (1981 г.). Быть в такой компании — очень большая честь.

Послевоенный Минск

Его мы застали полуразрушенным — фашисты хотели взорвать город на глазах наступающей Красной Армии. Я ходил в мужскую гимназию, которая была единственной, зато женских было целых три, и девочки наперебой приглашали нас в свои гимназии на танцевальные вечера. У нас был замечательный физик Яков Борисович Мельцерзон . Это он мне посоветовал, что, если хочешь заниматься полупроводниками, иди в Ленинградский институт, которым руководил Иоффе.

Абрам Федорович Иоффе жил в большой комнате прямо при институте. Но его невзлюбил Берия, считал этого выдающегося ученого немецким выкормышем, поскольку тот защищался в Германии. И тогда Вавилов посоветовал Абраму Федоровичу: лучше уйди с поста директора. Тот подал заявление и стал заведовать лабораторией.

***

Тамара Алферова, жена:

— Когда мы узнали, что у нас будет ребенок, Жорес Иванович сказал: "У нас обязательно будет сын!" Я ему говорю, мол, а если дочь? А муж: не нужно нам никакой дочери, и все! И когда мне в родзале показали моего сына (с профилем точь-в-точь Жореса Ивановича), я облегченно вздохнула: выполнила его суровый наказ.

***

Андрей Финкельштейн, друг:

— Между Юпитером и Марсом есть планета Алферов -- это вечный памятник уже при жизни человека. И, по-моему, это даже больше, чем Нобелевская премия.

***

Есть замечательный художник Энгельс. Он работает в нашем институте. А получилось так, что лет 20 назад у него появились проблемы с мастерской. И я попросил своего заместителя по общим вопросам помочь художнику. По моей просьбе нашли ему под мастерскую одну из ведомственных пустых квартир института. Самое интересное, что к моему юбилею он сделал замечательный альбом — иллюстрации к поэзии Пушкина — и в благодарность лично мне один рисунок, где я "беседую" с Пушкиным!

Первый лазер

Мы делали его красненьким, но это не случайно, а специально, чтобы его видели все, в том числе и те, кто дал бы нам деньги на дальнейшие исследования!

Кто, назовите, был последним из получателей Нобелевской премии, чтобы жил и работал в любимом мною Петербурге? Это в 1907 году был Иван Петрович Павлов. И я очень рад, горд, что тоже получил Нобелевскую премию, — я, который работаю в альма-матер российской радиотехники.

Алферов, ты жив?

Мой старший брат Маркс погиб под Сталинградом. И когда я после войны разыскал и встретил его бывшего командира, он воскликнул: "Алферов, ты жив?!" Мы много говорили о моем погибшем брате, вообще, об этом поколении, для которого долг жизни было спасти, защитить честь страны. Даже ценой жизни. А вот мы уже этого не сделали. Такие, как мой брат, предотвратили первую часть плана фашистов. Но ведь вторая часть плана Барбароса в том и состояла, чтобы уничтожить, расколоть прежде всего Россию, Беларусь и Украину. А мы еще дальше пошли — сами раскололи страну до самой Азии! И следующему поколению нужно будет очень много сделать, чтобы вернуть Россию и замечательный российский уровень цивилизации.

***

Я получаю зарплату вице-президента РАН, но раньше, при Советской власти, она была другая, и выдавалась она на уровне после премьер-министра страны. А догадаться об этом можно было просто — по некрологам, которые печатали в центральных газетах. В табеле о рангах после Генсека стояли имена членов Политбюро, председателя Совмина, моя, и только потом — министров и др.

***

Меня долго не выпускали за границу. Я "вычислил" того товарища в КГБ, который занимался этим, мы встретились, очень хорошо поговорили, и он убедился, что я очень хорошо владею русским морским, особенно матросским языком. Инцидент был исчерпан.

***

Я очень люблю выйти в вестибюль нашего прекрасного института и, оперевшись о барьер, рассматривать молодые лица студентов. Молодежь раскрепощена, более свободна, и я желаю, чтобы она жила и работала в свободной стране, чтобы эта свобода помогала ей работать только для своей страны. Я люблю повторять, что мы — страна оптимистов, потому что все пессимисты давно уже уехали из страны.

***

Когда я бываю за границей, то мне снятся мои близкие, Питер, который я бесконечно люблю.

А больше всего и чаще всего я вспоминаю свою маму, Анну Владимировну, самого великого воспитателя. Дай бог, чтобы на нашей земле было больше таких мам.

Подготовила Наталья ДРОЗДОВА.